

Алексей Панограф

Два портрета

6+

Алексей Панограф
Два портрета

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Панограф А.

Два портрета / А. Панограф — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-12175-1

История о жизни молодой девушки, влюбленной в рыцаря, героя ее снов и картин, разворачивается в маленьком Королевстве. В королевстве есть гильдия, учрежденная Наиглавнейшим художником, установившая абсурдные законы живописи. Кульминация наступает в День Карнавала, когда все главные действующие лица, переодетые в маскарадные костюмы, встречаются в кабинете Тайного Полицмейстера. Действие параллельно развивается в настоящем и в прошлом, в котором оказываются переплетены судьбы двух поколений. Калейдоскоп невероятных совпадений и абсурдных правил делают эту историю сказочной выдумкой, очень похожей на реальность.

ISBN 978-5-532-12175-1

© Панограф А., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Алексей Панограф Два портрета

В некотором Королевстве жил-был художник.

– Эй, Перло, как поживает твое семейство? – шепотом спросил своего соседа сорокалетний по-юношески стройный Гречо.

Невысокий, упитанный, лысеющий Перло нарочито безразлично откликнулся:

– Как обычно.

Потом оглянувшись по сторонам, подманил Гречо, чтобы тот нагнулся к нему, и зашептал соседу прямо в ухо, скрытое под длинными волосами:

– В воскресенье заходил мой племянничек, ну, Рисо, ты его знаешь. Непутёвый он, вечно шатается с друзьями, где ни попадя.

Гречо и Перло сидели на высоких табуретках перед мольбертами. В комнате, кроме них находилось еще человек десять. Каждый сидел точно на такой же табуретке перед точно таким же мольбертом. Вдоль стен весели полки, на которых лежали гипсовые слепки рук. Точнее слепки правой руки с разными жестами. Одна с поднятым вверх большим пальцем, другая с оттопыренным мизинцем, третья с указующим жестом, четвертая просто сжатая в кулак.

– В субботу Рисо с друзьями отправился в Северный лес. Ну да, тот самый, о котором ходит дурная слава. Они там задумали играть в казаков-разбойников.

– Так это в нем же промышляет банда Рыжего Кайота?

– Вот именно. Тссс...

Перло оглянулся по сторонам, перехватив любопытствующий взгляд одного из художников, выпрямился и стал нарочито старательно наносить мазки на полотно. На мольберте перед ним был подмалевок портрета какого-то господина. Перло прорисовывал правую руку, сжатую плотно в кулак. Перед Гречо на мольберте стоял подрамник с полотном такого же размера, на котором он старательно прорисовывал правую руку с оттопыренным указательным пальцем.

– Ну? – зашептал через минуту Гречо, украдкой поглядывая на соседа.

– Рисо заигрался и убежал к самому Ослиному оврагу, как раз там, где дорога делает резкий поворот. Он выбежал к опушке леса, а там из оврага выскочили пятеро бандитов и...

Перло опять резко выпрямился на табурете и продолжил водить кистью по холсту.

Гречо заерзал на своем стуле:

– И чего там?

– Рисо, спрятавшись за деревом, увидел, как бандиты остановили экипаж, скинули с козел кучера и принялись отбирать ценности у сидевших в экипаже. Но вдруг лассо умело брошенное на главаря...

Кто-то скрипнул табуреткой, и Перло опять углубился в работу над кулаком.

– Потом второе лассо обвивает еще одного бандита. А третье валит с ног следующего. Потом вех троих неведомая сила тащит в лес по другую сторону от дороги. Двое оставшихся бандитов бросают все и убегают... А Рисо смотрит, куда тянутся концы от лассо, и видит за деревьями удаляющуюся спину всадника в черном плаще.

– Но...

– Тсс... – громким шёпотом Перло останавливает товарища, и усердно начинает наносить отблески света на костяшки пальцев руки сжатой в кулак.

Какое-то время товарищи молча занимаются художественным ремеслом, но вскоре Гречо, заправляя прядь длинных волос за ухо, начинает шептать:

– Ты уверен, что твой Рисо не брешет. Ведь, говорят, что Черный Плащ – легенда, выдумка, что его на самом деле не существует.

– Племяш клялся лунным затмением, что видел Всадника, как Луну в безоблачную ночь.
– Он бы еще сказал, как Луну во время затмения, тогда было бы более правдоподобно, – съязвил Гречо. Он же не видел лицо всадника?

– Нет. Тот был спиной к нему.

– Вот именно, как Луна, которая повернута к нам всегда одной стороной, так и Черного Плаща все, кто о нем брешет, видели только со спины.

– Рисо, конечно, еще тот плут, но здесь он не врал.

– А я говорю, что нету никакого Черного Плаща. Это все выдумка для того, чтобы разбойники и бандиты боялись и не слишком-то распускались. Ну, и чтобы такие как ты верили в героя.

– Дыма без огня не бывает. Отец говорил, что в его времена тоже был Всадник.

– Вот именно, поэтому это и есть легенда, подумай сам....

В этот момент двери в мастерскую с шумом распахнулись и в проеме показались два господина. Один лет за пятьдесят в цветастом камзоле, расшитым золотом. Другой помоложе – в зеленых панталонах, салатного цвета камзоле и изумрудного цвета шляпе.

– Прошу Вас, господин Министр Лесов и Полей, – пропустил вперед человека в зеленом его спутник, делая приглашающий жест, правой рукой, в которой он держал золотую кисть.

Вслед за ними зашли еще два немолодых упитанных господина в таких же цветастых камзолах, как и первый, только расшитых серебряными нитями. В руках каждый держал по серебряной кисточке.

– Здравствуйтесь, художники рукотворцы правые! – громко поприветствовал господин с золотой кистью, сидевших в мастерской.

Художники повскакивали со своих табуреток и, стараясь по-военному четко, но все-таки нестройным хором, так как художников сколько не муштруй, солдат из них не сделаешь, гаркнули:

– Здрaвы будьте, господа Главные художники.

Три толстяка в цветных камзолах были главными художниками Королевства, один из которых был все же Наиглавнейшим. Они основали в Королевстве Гильдию, в которой и трудились день изо дня Перло, Гречо и остальные обитатели этой и других мастерских, где рисовали левые руки, носы, глаза, подбородки, уши.

В Гильдии, как на конвейере создавались портреты важных вельмож и придворных сановника, а также членов их семейств. Одно полотно писалось несколькими художниками, переходя из мастерской в мастерскую.

Поэтому все картины были похожи одна на другую и отличались не больше чем телеги, сделанные в одной артели. Зато никто из вельмож не имел повода завидовать другому вельможе, так как портреты военного министра и его семьи были не хуже и не лучше, чем портреты, висевшие в доме министра финансов или министра наук.

В Гильдии все художники делились по рангам: были художники седьмой кисти, шестой, пятой и так до самой высокой ступени – художников первой кисти. В соответствии с табелями о рангах художники рисовали либо руки, либо носы, или другие части тела.

– Кто пишет руку нашего уважаемого министра Лесов и Полей? – спросил Наиглавнейший Художник.

– Я – ответил Гречо.

– Сейчас ты можешь рассмотреть индивидуальные особенности правой руки министра и довести ее до совершенства. Завтра нужно передать портрет в мастерскую левых рук.

– А когда будет готов портрет моей жены? Его начали писать уже два месяца назад. И через неделю у нее именины, – немного капризно спросил министр.

Наиглавнейший Художник вопросительно посмотрел на своих коллег.

Второй главный художник ответил:

– Портрет Вашей драгоценной супруги сейчас находится в глазной мастерской. А завтра его передадут на финишную обработку в мастерскую первых кистей. И останется только обработать полотно в раму. Через три дня все будет готово и мы доставим картину Вам.

Вот в таком королевстве довелось жить нашему герою, который очень любил рисовать, хотя и не состоял в гильдии и не писал коллективных портретов, не пользовался соответствующими табелям о рангах привилегиями, не получал из королевской казны жалования, и поэтому жил бедно и скромно в маленькой комнатке на чердаке, прямо под наклонной двускатной крышей, где стоять в полный рост можно было только посередине.

Зато из большого круглого окна открывался замечательный вид на крыши соседних домов. Справа вдаль виднелись река и опушка леса, а слева рос большой старый клен. Летом за зеленой густой листвой ничего не было видно, но поздней осенью, когда уже облетали все листья, и ветки еще не успевали одеться в белые пушистые снежные шапки, сквозь них была видна улица, на которой располагались разнообразные лавки. Днем на улице всегда было оживленно от многочисленных покупателей и прохожих.

Художник любил рисовать виды из своего окна, а также разные сценки из жизни сказочных героев. Им было написано много пейзажей в разное время года и дня, в разную погоду и с разного ракурса. И все эти картины передавали настроение художника. Глядя на одну из них, ты сразу представлял себе, что сейчас он стоял у открытого окна, вдыхал полной грудью аромат раннего лета, и взгляд его с оптимизмом был обращен на улицу. Другая создавала ощущение легкой неуверенности, но готовности к переменам. В третьей – угадывалось, как художник сидел у окна, кутаясь в шерстяной шарф, и грустно смотрел на капли стекавшие по стеклу.

А еще художник любил рисовать сказочных персонажей – Бабу-Ягу, гонящуюся с метлой наперевес за своей шкодливой избушкой на курьих ножках; богатыря за дружеской трапезой с трехголовым Змеем-Горынычем, раздувающим костер; фею, которая, касаясь волшебной палочкой различных старых и некрасивых предметов на картине, превращает их в новые: яркие и блестящие.

Но самым любимым персонажем был светлокудрый рыцарь, скачущий на коне. То рыцарь мчался во весь опор и лошадиная грива и волосы всадника развеваются на ветру. Или вот тот же юноша на берегу реки, только что спешил, чтобы дать коню напиться. А здесь он, выпрямившись в седле, шагом проезжает по улице города. На голове у него всегда неизменная широкополая шляпа с плюмажем, а на плечи накинут черный плащ с вышитым изображением дракона.

Ах да, я, кажется, забыл сказать, что художником был, точнее, была молодая девушка с изумрудными глазами и золотистыми волосами. И звали ее Аури.

Она не могла никому показывать свои картины, потому что в королевстве рисовать было разрешено только членам гильдии. Но один заморский купец приезжал примерно раз в три месяца, забирал все картины, которые Аури написала за это время, и платил ей деньги, правда, совсем небольшие. Он же был настоящий купец, и поэтому всегда покупал дешево, а продавал дорого. Иногда чужеземец привозил ей в обмен на картины, что-нибудь из одежды или недорогие украшения.

А золотоволосая художница не торговалась и отдавала свои работы за ту цену, которую назначал купец. Только картины с рыцарем она даже ему не показывала и лишь сама тайком любовалась ими.

Однажды купец появился в ее комнате в начале лета. Аури услышала его шаги задолго до его появления. Купец, большой грузный человек, поднимался медленно, и ступени лестницы, которая вела на чердак, каждый раз протяжно скрипели, когда он ступал на них, как бы жалуясь друг дружке на такую тяжесть – лестница ведь была уже старенькая.

Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, купец распахнул ее, заполнив собой весь дверной проем:

– Buenos dias¹, mein lieben Maler².

– Здравствуйте, господин Кауфман. Как добрались? Сколько дней были в пути?

– Ah, my doll of the golden hair³, я, ведь, все время в пути – волка, как говорится у нас, ноги кормят. А дороги после зимы отвратительные – трижды застревала моя двуколка. Дважды чинили колеса. А один раз нарвался на засаду лесных разбойников.

– О, ужас, как же Вы спаслись от них?

– Пришлось биться, – отвечал великан-купец. – Они, шельмы этакие, перегородили дорогу толстым деревом, и, когда я вылез, чтобы отбросить его с дороги, для меня ведь это раз плюнуть, эти башибузуки выскочили из чащи, как стая диких обезьян. Тут-то и началась потеха.

– А их было много?

– Да нет, к счастью не очень – десятка полтора. Считать-то мне их было некогда – только успевай молотить. Кулаки я, значит, разминаю – супостатов швыряю, кого вправо, кого влево, чтобы беспорядок под ногами не создавать. Так бы их всех по кучкам и разметал, ежели бы они вдруг враз на меня втроем со спины не накинулись. Стал я крутиться, чтобы отцепились они да в разные стороны разлетелись, и, надо ж тебе, таки споткнулся об одного из поверженных. Тут они на меня и напали. Двое мне руки за спину крутят, а третий, вижу краем глаза, занес палицу, чтобы мне по голове со всего маху вдарить...

– Ай, да как же так можно?

– Можно-то оно можно, да только не свезло ему. Занес он дубину над головой, а в этот момент его вдруг будто змея кольцом вокруг шеи как скрутит, да как дернет – прям из сапог и выдернула, как морковку с грядки.

– Что же это за змея была? – воскликнула Аури.

Купец каждый раз рассказывал ей истории о своих небывалых схватках с врагами.

– Уж не медной ли горы хозяйка? – улыбнулась она.

– А то вовсе и не змея оказалась. Это всадник на коне своим хлыстом так позабавился. Издали накинул петлю, как лассо на шею извергу, да и дернул, так что тот со своей палицей на три метра от меня отлетел. Два других разбойника от неожиданности хватку-то по-ослабили – тут я их и стряхнул с себя, словно пыль с камзола. Вскочил на ноги, хотел спасителя поблагодарить, да его уж и след простыл. Вот такая история.

– Ну, а чем ты меня порадуешь после дороги нелегкой, Расскажи? – добавил купец. – А лучше, покажи.

Аури не так давно закончила картина с видом на улицу и на клен, росший за окном. Кленовые листья на картине были еще маленькие, едва распустившиеся из почек, и, глядя на них, в пальцах возникало ощущение, как от прикосновения к молодым еще клейким настоящим листочкам. Солнечные лучи на картине пробивались сквозь листву. И это были именно те весенние солнечные лучи, которым радуется все живое, истосковавшееся по теплу и свету, так отличающиеся от палящих июльских лучей, от которых хочется укрыться в тени.

– Ух ты, вот это хорошо. Таким я еще твой клен не видал – смотрю на него и вспоминаю себя в семнадцать лет.

– О, а это что? – он взял в руки картину, стоявшую на полу у окна.

– Кто это? Не может быть! Да это же мой спаситель! Хотя я и не мог разглядеть его хорошенько, но светлые кудри, тонкий нос, правильный овал лица и благородство осанки точно – точно как у него.

Это была последняя картина про рыцаря в черном плаще, написанная только вчера. На ней он умирал своего коня, который встал на дыбы, словно увидев какую-то опасность. В поднятой над головой руке развевалось лассо.

– Нет, нет я не могу отдать эту картину, – поспешно отвечала Аури, и румянец выступил на ее щеках. Она забыла ее спрятать под кровать, где жили остальные полотна с рыцарем.

– Да как же ты не понимаешь – это же мой спаситель, а я ни имени его не знаю, ни словом с ним не обмолвился! Нет-нет, она мне очень нужна – я заплачу тебе за нее в два раза, нет в... , – он уже было хотел сказать в три раза больше, но торговец, сидевший в нем, сдержал его, и он сказал:

– Даю в два с половиной раза больше, чем обычно.

– Деньги тут ни при чем, – отвечала Аури, – эта картина дорога мне самой.

Кауфман не был бы купцом, если бы так быстро сдался и отступил от задуманного, и он сказал:

– Ну, Аури, дорогая моя, я очень прошу Вас. Ты ведь сможешь нарисовать себе такого красавца еще раз.

– Боюсь, что не смогу. Этот образ мне иногда снится, и, проснувшись утром, я рисую его именно таким, каким увидела во сне. Это невероятно, но все картины с рыцарем мне сначала приснились, а потом наутро я просто рисовала то, что видела – и видела так же отчетливо, как клен за окном.

Но купец не сдавался:

– Ну, не упрямясь, он еще приснится тебе, а я в придачу дам тебе замечательное алое платье, которое я вез для дочери главного казначея. Ну-ка, примерь его немедленно, – с этими словами он вытащил из своего баула коробку с платьем.

– Переодевайся, а я подожду на лестнице, – он скинул крышку с коробки и поспешно ретировался за дверь.

Аури посмотрела на платье – оно было яркое, атласное с бантом сзади на поясе, кружевами на подоле и вышивкой на воротничке. И ей, конечно же, захотелось его примерить. Аури провела по платью рукой, и мурашки побежали по коже – до того ткань была гладкая.

Когда купец распахнул дверь, то он аж зажмурился: ослепительно хороша была Аури в этом платье.

– Ты бы видела себя, – только и смог сказать искренне пораженный великан.

Но у нее в комнате не было большого зеркала, такого, чтобы можно было увидеть себя в полный рост.

– Wunderbar, Bellissima, Superior⁴. Ни один рыцарь в Королевстве не удержится в седле, сраженный твоей красотой.

– Нет, нет, – отбивалась Аури, – Я все равно не могу продать эту картину.

– Это платье сшито как будто для тебя, так что обратно я его не заберу. Я дарю тебе его. Да, да, именно, дарю, а в придачу еще и туфельки. К нему обязательно нужны красные туфли.

Платье, и правда, сидело на Аури, как будто было сшито специально для нее – нигде не давило и не топорщилось, а мягко и нежно облегалось ее тело. Ей совсем не хотелось расставаться с ним, но она чувствовала, что не может, не должна продавать картину с ее рыцарем. Противоречивые чувства боролись в ней, она молчала, потупившись, глядя в пол, и не знала, что ей делать.

– Я подарю Вам эту картину – денег за нее мне не надо, – произнесла она, наконец.

+ + +

Кауфман шел по улице очень довольный собой и мурлыкал под нос песенку на непонятном языке. Купцы обычно радуются в двух случаях: когда они что-то выгодно приобрели или когда что-нибудь продали. И решил он зайти в кабачок, чтобы пропустить стаканчик-другой вина. Сел за столик и прислонил картину к стене.

В кабачке в этот час не было посетителей. Пока он пил вино, его внимание привлекли двое мальчишек, игравших в какую-то непонятную игру: они то исчезали из виду, то вдруг

кто-то из них появлялся совершенно с другой стороны. Иногда они забегали в кабачок, опрокидывали стулья или прятались под столами – тогда хозяин заведения прикрикивал:

– Вот уж я вам.

Потом один из мальчишек, тот, что был в зеленых штанах с одной лямкой через плечо, залез на дерево, росшее у дома напротив, и пополз по толстой почти горизонтальной ветке. Она почти упиралась в стену недалеко от открытого на втором этаже окна.

Купец стал внимательно следить за мальчишкой. А тот, отломав тоненький прутик, протянул его к подоконнику открытого окна, пытаясь подцепить там какой-то предмет. Вот, кажется, ему это удалось, и он начал аккуратно тащить этот предмет к себе.

– Ух, ты, шельмец, – довольно добродушно пробормотал Кауфман, разговаривая сам с собой, так как больше было не с кем: кабатчик был в это время на кухне.

– А куда интересно запропастился второй сорванец? – купец совсем упустил его из виду, пока наблюдал за мальчишкой на дереве.

Вдруг зеленые штаны полетели с ветки на землю и вполне удачно приземлились, так как вместе с ними летел и их ловкий хозяин. В это же время из окна высунулась дородная тетка и завопила:

– Ограбили! Ой! Вон он! Держите вора!

Мальчишка приземлился мягко по-кошачьи на все четыре лапы, быстро схватил что-то с земли и бросился наутек. Поминай как звали.

Тетка в окне все еще вопила:

– Ловите! Украл!

Начали отворяться окна, кто-то стал высовываться и спрашивать, что случилось, но народу в этот час на улице было мало, и сорванец уже скрылся из виду.

Когда купец допил вино и, бросив на стол монетку, собрался уходить, то обнаружил, что картина, которую он оставил у стены... исчезла. Сначала купец прошелся по пустому кабачку, заглядывая под все столы, потом спросил про картину у хозяина, потом еще раз вместе с ним обыскал все заведение и только после этого, уже совсем не так добродушно, проворчал:

– Вот ведь, шельмец!

Мальчишку в зеленых штанах звали Крысолов. Убегая, он успешно нырнул в один переулок, затем пробежал немного по кривой улице, свернул еще в один переулок, и тут он услышал знаком посвист своего дружка Дэймона.

– Смотри, что я раздобыл, – сказал Крысолов и разжал кулак. На ладони лежало кольцо.

– Золотое?

– А то!

– А у меня – вот, – сказал Дэймон, показывая картину, украденную у купца.

– Здорово! Узнаешь, это же..., – но он не успел договорить, потому что Дэймон прервал его и завопил:

– Смотри, кажись, там едет Король.

По широкой улице, к которой вел переулок, катилась карета короля, а по бокам верховая охрана на лошадях.

– Айда смотреть!

– Бежим!

Королевская карета, запряженная четверкой превосходных лошадей, медленно и чинно ехала по центральной улице. Король, слегка отодвинув занавесочку, смотрел из окна кареты на свое королевство.

На улице собралась толпа зевак – вечное явление. Причем толпа эта состояла из двух частей: просто прохожих и профессиональных зевак, состоящих на службе у тайной полиции.

Своих осведомителей тайная полиция держала на крючке по разным причинам. Например, владелец маленькой лавчонки, не успел вовремя заплатить налог в королевскую казну.

Приходит к нему агент тайной полиции и говорит, что за это страшное преступление перед королевством, его надо посадить в тюрьму. Но если лавочник согласится время от времени выполнять несложные задания тайной полиции, то можно дать и отсрочку на уплату налога. И таких бедолаг было в королевстве пруд пруди.

Другая половина состояла из случайных зевак из любопытства решивших присоединиться к скоплению людей. Таких тоже было множество – ведь, глазеть на украшенную золотом карету, на красивых гвардейцев, охраняющих короля, было куда приятнее, чем работать. Да и ощущать себя частью толпы, то есть быть таким как все, для многих необходимо, как воздух.

В этой уличной толчее оказались и Крысолов с Дэймоном. В толпе стоял гомон – люди переговаривались, обсуждая достоинства кареты и лошадей:

- Ты глянь, какие колеса, на таких куда хошь уехать можно.
- На лошадей гляди, получше тебя одеты будут.

На лошадях были богато расшитые вальтрапы⁵, а упряжь и шоры украшали золотые заклепки. Дэймон и Крысолов хотели рассмотреть всю эту ослепительную красоту и богатство поближе, и они протискивались сквозь плотные ряды зевак вперед. По неосторожности Дэймон наступил на ногу какому-то толстому дядьке, тот разозлился и, пытаясь ухватить Дэймона за шиворот, прикрикнул:

- Ах, ты, постреленыш, куда лезешь!

Дэймон постарался увернуться, при этом он умудрился толкнуть какую-то даму, та взвизгнула, ее спутник попытался стукнуть мальчишку по спине своей тростью, но попал по руке еще одному господину. В этом месте толпы началась суматоха – всадник из кавалергарда заметил это, и решительно направил свою лошадь в сторону беспорядка, чтобы оградить карету короля от смутьянов.

Толпа отшатнулась назад, а Дэймон, путавшийся между ног и не заметивший этого движения, наоборот, выскочил вперед навстречу всаднику, но, зацепившись за чью-то ногу, полетел прямо под копыта лошади. Всадник, чудом перескочил через него, еще дальше оттеснив толпу, а Дэймон остался лежать как раз напротив поравнявшейся с ним кареты.

- Остановитесь! – воскликнул Король, наблюдавший все это из окна.

Кучер остановил лошадей. Дэймон понял, что сейчас может случиться что-то ужасное, вскочил, юркнул под карету, выбрался из-под нее на другой стороне улицы и скрылся в толпе. Ему удалось улизнуть, но на том месте, где он чуть не погиб под копытами лошади осталась лежать картина.

Король увидел ее и жестом велел поднять. Форейтор⁶ соскочил на мостовую, поднял картину и подал Королю. После чего Король махнул рукой, давая знак продолжать движение, и задернул занавесочку – теперь у него было зрелище поинтереснее чем народ.

Тем временем Аури после того как купец Кауфман покинул ее комнату, конечно же, как любой девушке захотелось поскорее показаться кому-нибудь в новом наряде. Она прошлась несколько раз по комнате от окна к двери и обратно, затем нашла у себя комод алую ленту, перехватила ей волосы и, решительно распахнув дверь, отправилась гулять.

Ей не терпелось поскорее дойти до центральной улицы города, где было много магазинов с большими стеклянными витринами, в которых можно было хорошенько рассмотреть себя, как в зеркале.

Она подошла к витрине большого кондитерского магазина – там были выставлены различные сладости: шоколадный бурый медведь, сахарный белый, мармеладные зайчики, белочки и лисицы. Аури подошла к витрине и стала всматриваться в нее, чтобы разглядеть свое отражение.

Продавцы, вышедшие на улицу, так как карета короля уже приближалась, и другие прохожие, столпившиеся у витрины, расступились, сами любясь такой яркой, нарядной и красивой девушкой, и одновременно освобождая пространство около витрины, чтобы не мешать ей

себя рассмотреть как следует. Аури, не замечая этого, отступала от витрины, поворачиваясь то одним, то другим боком, а все кто был рядом не могли отвести от нее глаз.

Всадник из кавалергарда, сопровождавшей карету, именно тот самый всадник, который немногим раньше чуть было не задавил Дэймона, тоже засмотрелся на Аури, и только в самый последний момент осадил лошадь, так как, отступая от витрины и кружась, Аури оказалась на пути королевского кортежа.

Она, стоявшая одна посреди расступившейся вокруг нее толпы, вдруг оказалась прямо напротив кареты, и взгляд ее встретился с взглядом Короля, вновь выглянувшего из-за занавесочки, чтобы понять, почему остановилась карета. Аури смутилась и покраснела, так как наконец поняла, что является объектом внимания всех окружающих. Король тоже немного стусебался – девушка поразила его своей красотой, а он, вместо того чтобы прямо и гордо, как подобает королю, смотреть на нее, выглядывал из-за какой-то дурацкой занавески, как последний согладатай.

Карета проехала, а Аури пошла, размышляя про себя, как ни странно, вовсе не о Короле, а о рыцаре, персонаже своих снов и картин. Просыпаясь утром, она никогда не помнила, что именно происходило во сне, но была убеждена, что ей снились захватывающее приключения, главным героем в которых был ее рыцарь. В памяти оставалась лишь одна сцена, словно обложка прочитанного приключенческого романа, и Аури брала кисти и рисовала на холсте эту сцену будто с натуры.

А Король, вернувшись во дворец, тотчас велел посыльному отправляться за Наиглавнейшим Художником. А еще через минуту решил, что надо вызвать и Главного Тайного Полицейстера. Он отдал указание готовить обед на три персоны в бамбуковой гостиной, а сам в ожидании обеда сидел в самшитовом кабинете и задумчиво разглядывал картину, таким странным образом попавшую к нему сегодня во время поездки по городу.

+ + +

Король вступил на престол чуть меньше десяти лет назад, будучи еще совсем юным, после скоропостижной и трагической смерти родителей. Его отец Август со своей женой ехали в карете по горной дороге, внезапно начался камнепад, лошадь шарахнулась в испуге оступилась, и карете полетела в пропасть.

На времена правления короля Августа выпало много бурных событий и перемен в жизни королевства. В молодости Август вел непрерывные войны с ближними и дальними соседями, пока не потерпел сокрушительное поражение от государства, управляемого алчным и жестоким Канцлером. Войска Канцлера захватили королевство. Армия Августа была разбита, и ему самому пришлось жить в изгнании, вдали от родины. Его жена и маленький сын, будущий Король, были захвачены в плен и посажены в городскую башню.

Народ королевства жил в бедности и страхе перед могучим Канцлером. Люди были вынуждены платить огромные налоги, и не имели никаких прав, а того, кто проявлял неповиновение, немедленно бросали в темницу.

Король Август не находил себе места в изгнании – еще бы, ведь его королевство было захвачено врагом, а жена и сын видели небо, солнце и зелень деревьев только сквозь зарешеченные окна башни.

Он сумел собрать небольшую армию из своих соотечественников, также находившихся на чужбине, и авантюристов из других стран, которым было интересно воевать, а за что и против кого не имело значения. Авантюристы были отчаянными вояками, но им, в общем-то было все равно за что драться, и поэтому главная цель – освобождение королевства от Канцлера – для них была вторична, они просто утоляли свою жажду боя,

Август потерпел поражение, попал в плен, и был брошен в подвал башни. Больше года прожил он в заточении, а народ под еще более тяжким гнетом. Находясь в плену, он ни на

минуту не оставлял мысли о том, как освободить свое королевство. Ему удалось бежать, и он снова собрал армию и пошел на бой против Канцлера.

Он хотел спасти жителей своей страны, но не понимал, что принести на блюдечке и дать свободу поработанному народу невозможно. Народ сам должен бороться за нее, не щадя себя. Король Август потерпел очередное поражение, и вновь был захвачен в плен.

На этот раз Канцлер решил покончить с Августом раз и навсегда и отрубить ему голову на главной площади его же королевства. И непременно на глазах у всего народа, чтобы тот еще больше испугался и смирился со своей участью.

Помост был сооружен. Люди, окруженные плотным кольцом из воинов Канцлера, заполнили площадь. Августа со связанными за спиной руками подвели к плахе. С возвышения он оглядел площадь и свой притихший народ, стоявший, будто компания провинившихся мальчишек, уличенных взрослыми в озорстве. Вроде бы они ничего плохого и не делали: ну, шмели, баловались, конечно, но какая же игра без этого, а взрослые их одернули, запретили играть, только потому, что они больше и сильнее.

Ветер трепал волосы Августа. В толпе он увидел много женщин и детей. Ведь его жена и сын который год уже томились в плену. Слезы выступили у него на глазах. Ему не было страшно умирать – он был воин, и не боялся смотреть смерти в лицо. Ему стало обидно, что он так и не сумел освободить своего сына, свою жену и этот вот притихший народ. Руки были связаны, и он не мог смахнуть слезы, бежавшие по щекам, и исчезающие в его бороде. И тогда он заговорил:

– Собратья мои. Всю свою жизнь я не мог просто сидеть на троне, я все время пытался сделать то, что мне казалось будет полезно для моего королевства. Не все делал правильно. Наломал немало дров. За свою жизнь и свои поступки сам и держу ответ. Но раньше, я не видел так хорошо ваши лица. Такие разные. Я видел в вас только народ, но не замечал людей. И я управлял вами и заботился о вас, но не задумывался какие вы, чего вы хотите и что волнует каждого из вас. Сам принимал все решения и брал всю ответственность на себя, но вы такие же граждане этого королевства и сами можете и должны решать, как вам жить.

– Не опускайте головы – ваше будущее зависит только от вас самих.

– Не вешайте нос – уныние это грех.

– Не прячьте глаза – смело смотрите в лицо врагу.

– Не зажимайте себе рот – говорите то, что думаете.

– Не сидите сложа руки – делайте, то что считаете нужным. Счастье и свободу никто не сможет принести вам кроме вас самих.

– Я верю в вас – у вас хватит и сил, и ума, и смелости, чтобы добыть себе свободу!

Вначале наступила полная тишина, так что было слышно, как чирикнул глупый воробей, пристроившийся на соседней крыше. А потом вдруг кто-то из толпы крикнул:

– Да здравствует Август!

Словно в ответ раздалось с другого конца площади:

– Да здравствует наш король!

И тут толпу словно прорвало. Все начали кричать:

– Долой Канцлера!

– Надоело терпеть!

– Свободу!

Распорядитель казни, стоявший на помосте, и собиравшийся прочитать, заготовленную заранее назидательную и устрашающую речь, растерялся и махнул с досады рукой. Конвоиры, которые были проинструктированы, что после того как распорядитель взмахнет рукой, они должны подвести узника к плахе и передать палачу, восприняли этот жест, как сигнал, и потащили Короля. Палач вскинул топор...

И вдруг в это самый момент, будто змея обвилась вокруг шеи палача, дернула его, повалила и стремительно потащила с помоста. Это было лассо, умело брошенное с улицы, примыкавшей к площади, из-за спин, окружавших толпу, солдат. Все повернули туда головы.

Всадник на коне, примчавшийся к площади во весь опор, осадил коня, когда тот уже почти уткнулся в спины солдат. Конь встал на дыбы, и копыта его нависли над шеренгой. Всадник держал в руках конец веревки, обвившейся вокруг шеи палача. На мгновение все ахнули и замерли.

К Августу, как и подобает королю, к первому вернулось самообладание, и он, вмиг оценив обстановку, ударил ногой сначала одного конвоира, затем другого, а потом налетел и всем телом толкнул с помоста распорядителя казни, и сам прыгнул в толпу вслед за ним.

Началась всеобщая битва. Велика сила толпы народной, годами копивший свой гнев, и теперь в одночасье, выплеснувшей его на обидчика. Солдаты канцлера не ожидали такого сопротивления. Вначале они пытались воспользоваться своим оружием, но горожане выхватывали его у них из рук, и обращали его против самих же солдат. Оцеплявшие площадь солдаты дрогнули и побежали. Августу, оказавшемуся в толпе, быстро развязали руки, и он тоже смог принять самое активное участие в этой рукопашной битве на площади.

Первый раунд был выигран. Конечно, Канцлер не сдался после того, как его солдаты позорно покинули площадь, и на следующий день вызвал подкрепление. Но Август, вместе со своими сподвижниками построили в городе баррикады и стали биться за каждую улицу, за каждый дом, за свою свободу.

А так как весь народ – все горожане воедино сплотились в борьбе против канцлера, то вскоре они выбили его солдат из города, а потом и из королевства. Конечно, победа далась не сразу, и за нее пришлось заплатить ценой не одной жизни, но, как говорится, *a la guette comme a la guerre*⁷.

После этой дорожной доставшейся победы, Август изменился – он перестал считать, что задача короля все время воевать с соседями. Но бывшие враги и особенно Канцлер оставались такими же воинственными. Король Август решил, что главное это как следует укрепить границы королевства и обеспечить мирную жизнь своему народу. Он ввел усиленную охрану границ, построил на границе защитные сооружения – где-то возвел стену, где-то прорыл искусственные каналы.

Август защитил свою страну от врагов, но одновременно и ограничил общение с соседями. Королевство стало жить замкнуто, почти не общаясь с другими государствами. К тому моменту, когда Август неожиданно умер, его народ уже около десяти лет жил изолированно от остального мира.

Сын его вступил на престол еще совсем молодым юношей. Реально управлять королевством продолжали те соратники Август, которые не только активно боролись с войсками Канцлера, но и приняли новую политику своего короля по окончании войны.

Война за свободу от ненавистного Канцлера объединила весь народ, но после победы, конечно же, нашлись те, кто стал противником новых реформ в мирной жизни. Тогда-то, как-то само собой, и возникло тайное полицейское управление, которое должно было бороться с теми, кто не разделял взгляды Августа и мешал воплощению его идей. Постепенно тайное полицейское управление превратилось в могущественную организацию, повсюду имевшую свои глаза и уши.

Тем временем слуги принесли для скромной трапезы: крем-суп из миндального ореха с кусочками тыквы и спаржей; ботвинью с гренками и тертым сыром; филе палтуса с салатом из фенхеля и апельсинов; фуа-гра с манго, имбирем и соусом гренадин; запеченного леща со

свинными потрохами, сладким картофелем и дольками яблок; конфи из голубиной ножки в золотой фольге; копченую утиную грудку под соусом валуаз с черными трюфелями и рукколой.

Когда за слугами, разлившими по бокалам джулеп и удалившимися из гостиной, закрылась бамбуковая дверь, Король со словами:

– И так, господа, вы можете объяснить мне, что это такое? – извлек из-под стола картину и показал ее своим сотрапезникам.

Главный Тайный Полицмейстер уже, разумеется, знал о происшествии, случившемся во время прогулки Короля. Знал он так же, что в происшествии была замешана какая-то картина, но вот сюжет ее был ему не известен. Отменная выдержка не подвела его, и ни один мускул не дрогнул на суровом морщинистом лице, когда он увидел изображенного на картине всадника.

Наиглавнейший Художник, наоборот, не смог сдерживать эмоции, и, схватив со стола по ошибке вместо ножа свою золотую кисть, с которой он всегда являлся к Королю, принялся ей ковырять в тарелке.

Вопрос, заданный Королем, был очень простой, но... Понятно, что ответ: “Это – картина, ваше Величество” – был совсем не тем ответом, который его интересовал. Но что было известно Королю о всаднике, изображенном на картине, вот что мучило больше всего двух вельмож?

Наиглавнейший Художник, так же как и Главный Тайный Полицмейстер, был из числа близких соратников короля Августа и в освободительной войне против Канцлера, и в созидании нового мирного, но очень замкнутого государства. Они были верными помощниками Августа и много сил отдали на то, чтобы их королевство больше не оказалось под властью Канцлера или какого-нибудь другого воинственного соседа.

Они так привыкли к борьбе с врагами, что позднее, когда угроза извне потеряла свою актуальность, а жизненное пространство замкнулось в границах королевства, они по привычке продолжали искать врагов. А если, что-то очень долго и упорно искать, то непременно найдешь, даже когда этого и нет на самом деле.

+ + +

Еще мальчиком Эрвин, так звали Наиглавнейшего Художника, мечтал стать художником, и он много извел бумаги на свои рисунки. Нельзя сказать, что он совсем не умел рисовать, но ведь, чтобы быть настоящим художником этого мало. Но если стать настоящим художником по указу Его Величества невозможно, то стать Наиглавнейшим художником королевства очень даже запросто. Эрвин создал гильдию и сделал из двух преданных ему, но тоже бездарных художников, своих заместителей, которые стали называться главными художниками королевства. Женщин в гильдию не брали – Эрвин записал это в уставе организации, а причиной тому была история из его молодости, которая брала свое начало еще в школьном детстве.

На одной улице с Эрвином жила девочка по имени Лира. Они ходили в одну школу и в один класс. Вы помните, что Эрвин изводил в детстве много бумаги, стараясь стать художником. Лира тоже любила рисовать, но делала она это не потому, что хотела стать художницей, а просто потому что ей это нравилось.

Эрвин считал, что он должен нарисовать закат над городом. Окно в его комнате выходило на запад, и он часто видел, как солнце исчезает за крышами домов. Он пытался отобразить на бумаге эту красоту, которую видел много раз, но у него ничего не получалось – то вместо заката получался оранжевый мячик на крыше, то яичница не понятно откуда взявшаяся на небе – одним словом, не получался закат, хоть ты тресни.

Как-то Лира зашла к нему в гости и увидела, что он мучается над очередным закатом. Дело было вечером. И вдруг солнце, залив красным цветом половину неба и осветив прощальным светом крыши домов, пуская солнечные зайчики от блестящих металлических труб, стало быстро исчезать за горизонтом.

Лира спросила у Эрвина:

- Можно взять твои краски? И бумагу?
- Зачем тебе? – недоверчиво посмотрел на нее Эрвин.
- Хочу попробовать нарисовать закат.
- Ты?! Да ты только испачкаешь бумагу! Где тебе! – как многие мальчишки в таком возрасте, он не воспринимал девчонок всерьез.

Лира пожала плечами и ушла. Правда, две слезинки выкатились из-под ее длинных ресниц и поползли по покрасневшим щекам, но никто этого не заметил. А Лира, придя домой, села за стол, взяла свои краски и кисти, положила перед собой чистый лист бумаги и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.